

На правах рукописи

Кундозерова Мария Владимировна

КОНЦЕПТ МИРОЗДАНИЯ В КАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Специальность 10.01.09. – Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Петрозаводск
2013

Общая характеристика работы

Карельские эпические песни и заклинания¹, объединенные в данном исследовании термином "руны", донесли из глубины веков² практически до наших дней отголоски мифологических представлений о создании и обустройстве мироздания. Эти космологические воззрения составляют основу космогонических мифов, которые, в свою очередь, играют в карельских рунах сюжетобразующую роль, занимая в контаминированных текстах центральное или периферийное положение.

Актуальность предпринимаемого исследования обуславливается отсутствием специальных, и в том числе обобщающих, работ по карельской космогонии. В настоящее время ведется фронтальное изучение мифов народов мира. Карельская мифология в значительной мере сконцентрирована в эпических песнях. В качестве одной из составляющих в общем духовном фонде человечества карельская космогония занимает заметное место. Без этой составляющей картина мира, нашедшая выражение в различных этнокультурных традициях, остается неполной. Необходимость восполнения этой лакуны, образовавшейся в изучении мифов о сотворении и структурировании Вселенной, остается чрезвычайно актуальной.

Актуальность данного исследования, особенно изучения семантики образа большого дуба в карельских рунах, определяется также возросшим в последнее время в научном сообществе интересом к мифологеме мирового древа³. Соотнесенность большого дуба карельских рун с образом мирового древа, соединяющего ярусы мироздания, подвергается сомнению. Наиболее последовательно эту мысль развивает В. В. Напольских⁴, причем с аргументами автора не всегда можно согласиться. Выводы данной диссертационной работы, основанные на объективном анализе подлинно народных образцов эпических рун и заклинаний, помогут читателю сориентироваться во всем многообразии карельского материала, убедиться в полисемантизме представлений о большом дубе и скорректировать некоторые суждения наших предшественников, не подтвержденные самими текстами рун.

Основная **цель** диссертационного исследования заключается в выявлении мифологических истоков, а также семантики сюжетов и мотивов, представленных в цикле карельских рун, в которых изображается сотворение и структурирование мироздания.

Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих **задач**:

- 1) выявить сюжетный состав цикла карельских рун, объединенных космогонической тематикой, привлекая всю совокупность вариантов, относящихся к каждому из этих сюжетов;
- 2) осветить историю собирания карельских рун, содержащих космогонические сюжеты и мотивы;
- 3) проследить историю изучения космогонических аспектов карельского эпоса;
- 4) рассмотреть истоки и семантику сюжетов о происхождении мироздания в карельских эпических песнях (руны на сюжеты «Сотворение мира», «Рождение острова», «Кование неба», «Состязание в пении») в свете зооморфной и антропоморфной моделей Вселенной с учетом разностадиальности фольклорных явлений;

¹ Древнейший синкретизм жанров калевальской метрики обусловил наличие сходных космогонических сюжетов и мотивов в текстах эпической и заклинательной поэзии. Поэтому к исследованию привлекаются также заклинания, или эпико-заклинательные руны.

² Появление калевальской метрики, в которую были облачены разные фольклорные, и в первую очередь эпические, жанры прибалтийско-финских народов, восходит к I тыс. нашей эры.

³ Рубрика «От культа деревьев к Мировому Древу и обратно: новые подходы и концепции» // Этнографическое обозрение. 2012. №6. С. 3–72.

⁴ Напольских В.В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. №6. С. 19–29.

5) раскрыть истоки и семантику сюжета о большом дубе в карельских эпических песнях и заклинаниях (руны на сюжет о большом дубе, в том числе «Девушки из Виены», заклинания от коликов/прострела "Pistos", "Pistoksen synty"), выявляя всю многозначность этого образа и связанных с ним воззрений.

Объектом исследования в диссертационной работе являются тексты карельских рун, содержащих названные сюжеты о происхождении и структурировании мироздания.

Предмет исследования – совокупность космологических представлений карельского народа, реконструируемых из цикла анализируемых сюжетов.

Научная новизна. Впервые в истории карельской фольклористики выявлена и изучена в качестве самостоятельного цикла совокупность космогонических сюжетов, которые сформировались в данной этнокультурной традиции. Помимо орнитоморфной, в карельской эпической поэзии обнаружена и антропоморфная модель Вселенной. Исследование проведено на основе всего накопленного в течение двух столетий материала с учетом достижений фольклористики, и в первую очередь современных. В работе осуществлен текстологический анализ с привлечением всей совокупности вариантов, относящихся к тому или иному сюжету. Выявлены мифологические истоки и полисемантизм рассматриваемых образов и коллизий, которые ранее не были объектом специального изучения.

В **теоретическом плане** диссертационное исследование основывается на серии трудов отечественных и финляндских фольклористов. В первую очередь это – основополагающие монографии Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова (вопросы поэтики мифа, разработка и применение сравнительно-исторического и -типологического методов в фольклористике, вопросы происхождения эпоса), В. Н. Топорова (работы по семиотике), Н. А. Криничной (раскрытие мифологических основ фольклорных образов и коллизий). Разные аспекты карельской эпической поэзии освещены в трудах В. Я. Евсеева, Э. Г. Карху, Э. С. Киуру, А. С. Степановой, В. П. Мироновой, Э. Г. Рахимовой. Исследование опирается также на достижения финляндской фольклористики в области изучения карело-финского (и шире – прибалтийско-финского) эпоса, накопленные в течение двух столетий. Это фундаментальные труды Ю. Крона, К. Крона, Е. Н. Сетяля, У. Харва, М. Хаавио, М. Кууси, А.-Л. Сиикала, Л. Харвилаhti, Л. Таркка и др. Названные ученые в разное время и с различных позиций рассматривали поэзию калевальской метрики, в том числе и интересующие нас сюжеты.

Методологической основой исследования является текстологический анализ фольклорного произведения. При этом используется сравнительно-исторический, историко-типологический, а также структурно-типологический метод, который предполагает выявление типологии исследуемых компонентов путем их сопоставления, осуществленного посредством анализа всех вариантов рун. При таком подходе открывается возможность изучить фольклорные явления не только на синхронном, но и на диахронном уровне. В диссертационной работе находят применение также лингвистический, этнографический методы, метод системного описания и элементы комплексного анализа.

Материалами исследования служат 385 текстов эпических и 68 текстов эпико-заклинательных рун, относящихся к рассматриваемым сюжетам. Все исследуемые варианты были выявлены автором в разных опубликованных источниках (SKVR⁵ I₁₋₄, II, VII₁₋₅, КС⁶, КЭП⁷,

⁵ SKVR – Suomen Kansan Vanhat Runot. I – XV. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1908–1997.

⁶ Карельский сборник / Акад. наук СССР; ред.: А. И. Андреев, Д. А. Золотарев. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 106 с.

⁷ Карельские эпические песни / Предисловие, подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с.

КФНЭ⁸, АКЕР⁹, КKR¹⁰)¹¹, а также в архивных хранилищах: в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН (7 вариантов руны о большом дубе), в Научном архиве Карельского научного центра РАН (6 вариантов руны о большом дубе), в Фольклорном архиве Финского литературного общества г. Хельсинки (8 вариантов о сотворении мира, 8 – о большом дубе), один образец фонограммзаписи руны о большом дубе был обнаружен на сайте финляндского культурного фонда «Юминкеко» (оригинал записи хранится в архиве фонда в г. Кухмо). Застать живое бытование рун на исследуемые сюжеты автору лично уже не удалось.

Географические и хронологические рамки исследования. В географическом плане материал исследования условно делится на три группы: тексты, записанные на территории Беломорской (Северной), Олонецкой (Южной) и Приладожской Карелии. Благодаря осуществленному разделению материала, становится возможным и выявление наиболее характерных специфических локальных особенностей каждой из указанных традиций, хотя в задачи исследования на данном этапе это не входит. **Хронологические рамки** рассматриваемого круга сюжетов определяются изучаемым материалом. Из доступных на данный момент автору текстов самые первые (эпическая руна «Состязание в пении» и эпико-заклинательная руна против колик) были записаны в 1820 г., самый последний (лиро-эпическая руна о большом дубе) – в 1997 г.

Положения, выносимые на защиту:

1. Карельские руны содержат рудименты древних мифологических представлений о сотворении и структурировании мироздания.
2. Космогонические мифы и космологические представления карельского народа являются плодами разных стадий мифотворчества.
3. В карельском эпосе переплетаются представления о зооморфной и антропоморфной моделях мироздания.
4. Большой дуб – центральный образ карельской эпической и эпико-заклинательной поэзии – символизирует древо жизни и мировое древо, объединяющее ярусы мироздания.
5. Исследование заявленных аспектов карельской космогонии, основанное на изучении всей совокупности вариантов аутентичных рун, относящихся к тому или иному сюжету, претендует в заданных пределах на полноту и завершенность.

Теоретическая и практическая значимость. Материалы диссертационной работы и выводы, полученные в результате исследования, могут способствовать дальнейшим теоретическим изысканиям в области мифологических истоков эпоса и других жанров устного народного творчества карелов, а также могут быть востребованы при сравнительном изучении мифологий прибалтийско-финских народов и – шире – финно-угорских народов, равно как и мифологий всех народов мира, при составлении Указателей мировых сюжетов, мотивов и пр. Материалы и выводы работы могут применяться и при разработке курса лекций по карело-финскому фольклору, а также в культурно-просветительской деятельности.

⁸ Карело-финский народный эпос: В 2 кн. / Сост., вступ. ст., пер., прим. В. Я. Евсеева. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн.1. 476 с.; Кн.2. 510 с.

⁹ Anuksen karjalazien eepizet pajot. Kookoonp. V. Mironova. Petroskoi: Periodika, 2007. 448 s.

¹⁰ Karjalan kansan runot. Kookoonpannut V. Jevsejev. Tallinn: Eesti Raamat. 1976. I. 360 s. 1980. II. 181 s.

¹¹ К исследованию привлекаются также фольклорные сборники: Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1985. 272 с.; Песенный фольклор кестеньгских карел / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1989. 290 с.; Устная поэзия тунгудских карел / Сост. А. С. Степанова. Петрозаводск: Периодика, 2000. 384 с.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на расширенном заседании сектора литературы и фольклора Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Кроме того, они были представлены в виде докладов на региональных и международных конференциях и семинарах: 1) XXIII Международная студенческая конференция по финно-угроведению IFUSCO. Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, 2007; 2) The Seventh Folklore Fellows' Summer School [Седьмая летняя (международная) школа фольклористов]. Вокнаволок (Карелия), 2007; 3) Исследовательский семинар в рамках музыкального фестиваля "Sommelo". Кухмо (Финляндия), 2007; 4) Региональная научная конференция «Бубриховские чтения». Петрозаводский государственный университет, 2007; 5) Международный российско-финляндский семинар "Paikallisuuden representointi Neuvostoliiton ja Venäjän kontekstissa". Петрозаводск, ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2008; 6) XXIV Международная конференция финно-угорских студентов IFUSCO. Хельсинкский университет, (Финляндия), 2008; 7) Научный семинар Совета молодых ученых ИЯЛИ КарНЦ РАН «Гуманитарные исследования: от теории к практике». Петрозаводск, 2011; «Adaptations and Interactions in the Language, Culture and History». Петрозаводск, 2013; 8) Научная конференция «Калевальские научные чтения». Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова, 2012, 2013; 9) Научно-практический семинар «Методика полевых работ и архивация фольклорных и этнографических материалов». Петрозаводск, ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2012; 10) Научно-исследовательская конференция, посвященная 210-летию Лённрота «Элиас Лённрот и культурное наследие прибалтийско-финских народов Карелии». Петрозаводск, ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2012; 11) Международный семинар молодых ученых «New Impetus in Cultural Research». Йоэнсуу (Финляндия), Университет Восточной Финляндии, 2012.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех основных глав, включающих подразделы, заключения, списка литературы, состоящего из 224 наименований, списка источников и девяти приложений, в которых содержится карта условных границ этнолокальных традиций Карелии, образцы карельских рун на исследуемые сюжеты с филологическим переводом¹² на русский язык, а также сводная таблица проанализированных текстов рун с паспортизацией. Общий объем диссертации составляет 235 страниц компьютерного текста.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационной работы, излагаются цель и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются методы и источники, территориальные и хронологические рамки исследования.

Глава 1. История собирания и изучения карельских рун, содержащих космогонические сюжеты и мотивы.

1.1. История собирания карельских рун, содержащих космогонические сюжеты и мотивы. Период активного собирания карело-финского эпического наследия насчитывает немногим более полутора столетий (XIX–XX вв.). Первыми собирателями народной поэзии были финские энтузиасты, снискавшие мировую известность, – С. Топелиус-старший, А. Шёгрэн, Э. Лённрот, Д. Европеус, А. А. Борениус, К. Крон, В. Кауконен, С. Паулахарью и многие другие. В 20-е – 90-е гг. XX в. сбор образцов эпической поэзии проводился и силами карельских фольклористов – Г. Х. Богданова, В. Я. Евсеева, Э. Тимонен, А. С. Степановой, Н. А. Лавонен, Р. П. Ремшуевой и др. Руны космогонического содержания были записаны от представителей всех главных рунопевческих династий Карелии (Перттунен, Малинен, Кеттунен, Сиссонен, Шемейкка, Сотикайнен, Хярккенен и др.). Образцы этих рун в числе прочих вошли в крупнейшие собрания эпических песен, такие как 34-томное издание

¹² Перевод выполнен диссертантом, кроме особо указанных случаев.

«Древних рун финского народа», «Карельские эпические песни», «Карело-финский народный эпос» и пр. (см. *Материалы исследования*).

Анализ материала высвечивает количественную и качественную неоднородность эпического, эпико-заклинательного наследия в разных регионах Карелии, чем обуславливается необходимость выделения трех этнолокальных традиций (беломорской, олонецкой и приладожской).

Количественная неоднородность связана с разной степенью интенсивности сбора фольклорного материала на указанных территориях на разных этапах его собирания. Из выделенных традиций наименее представительно в исследовании выглядит олонецкая (37 вариантов, тогда как беломорская и приладожская традиции представлены 245 и 171 вариантами соответственно). Олонецкий край в период финских собирателей долгое время считался беспесенным, и потому остался ими менее исследованным. А в записях карельских фольклористов 2 пол. XX в. космогонические сюжеты и мотивы встречаются гораздо реже. Постепенное угасание традиции рунопевчества привело к выветриванию многих мифологических сюжетов и мотивов из текстов рун более поздних записей.

Качественная неоднородность выражается в различном характере бытования рун на исследуемые сюжеты. Руна о сотворении мира из яйца у беломорских карелов включалась в цикл повествования о создании и похищении Сампо, тогда как у олонецких и приладожских карелов эта же руна зафиксирована в качестве отдельной песни. В Приладожье бытовала также руна, согласно которой из яйца, снесенного на корабле и упавшего оттуда в морскую пучину, рождается остров. Мотив формирования Вьяйнямёйненем морского дна встречается лишь в беломорской традиции в текстах рун цикла о Сампо. Сюжет о выковывании неба кузнецом Илмариненом представлен, в основном, в контаминированных текстах в качестве небольшого упоминания о сотворении неба. В олонецкой традиции, где образ кузнеца получил наибольшее распространение, сохранился лишь намек на проделанную кузнецом работу в постоянном эпитете героя – «кователя небесного железа». Руна о состязании в пении, как и руны о большом дубе были в репертуаре каждого рунопевческого рода. Эпические и эпико-заклинательные руны, раскрывающие разные версии образа большого дуба, бытовали параллельно, что особенно четко отразилось в традиции рунопевчества беломорских карелов, менее – у олонецких и приладожских.

1.2. История изучения космогонических аспектов карельского эпоса. В отечественной фольклористике специальным изучением сюжетов о сотворении мира, выковывании неба, состязании в пении, большом дубе в карельских рунах никто не занимался. В работах В. М. Жирмунского¹³, Е. М. Мелетинского¹⁴, Э. Г. Карху¹⁵, Э. С. Киуру¹⁶ названные сюжеты лишь упоминаются, но не исследуются. Некоторых из рассматриваемых в работе сюжетов коснулся основоположник карельского эпосоведения В. Я. Евсеев¹⁷. Перед ученым, однако, стояли совершенно иные задачи: рассмотреть особенности древней материальной и духовной культуры, различные виды хозяйственной деятельности людей и их общественного устройства

¹³ Жирмунский В. М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 330–372.

¹⁴ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 95–156.

¹⁵ Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. История литературы Карелии. Т.1. СПб: Наука, 1994. 240 с.

¹⁶ Киуру Э. С. Фольклорные истоки «Калевалы» // Фольклорные истоки «Калевалы» / Киуру Э. С., Мишин А. И. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. С. 7–144.

¹⁷ Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 112–125.

при первобытно-общинном строе. Тем не менее к рассматриваемым сюжетам при составлении сборников карельской эпической поэзии давались комментарии¹⁸, в значительной мере опиравшиеся на работы финских ученых. Карельские (и шире – карело-финские) космогонические сюжеты, в том числе о большом дубе, упоминаются отечественными учеными в ряде работ сопоставительного характера по финно-угорским и мировым мифологиям¹⁹.

Основная заслуга в изучении рассматриваемых сюжетов карело-финской и – шире – прибалтийско-финской эпической поэзии принадлежит финляндским исследователям, начиная с Юлиаса и Карла Кронов, основоположников «финской школы» фольклористики. Господством историко-географического метода, выработанного «финской школой», надолго был предопределен подход к изучению народной поэзии. Целая плеяда финляндских исследователей обращалась к изучению рассматриваемых сюжетов с разных позиций. Прослеживались возможные пути миграции сюжетов, время их возникновения, мировые и библейские параллели, пути возникновения образов и коллизий, исторические корни, изучался контекст и лишь отчасти семантика образов. Решение же основной проблемы, имеющей первостепенную важность для современного исследования (выявление мифологических истоков и семантики образов и коллизий, представленных в рунах космогонического цикла) на протяжении длительного времени отодвигалось на задний план либо решалось в контексте изучения многих других проблем. В современной финской фольклористике в изучении поэзии калевальской метрики преобладает компаративизм и антропологический подход. Данная работа, таким образом, представляет собой первое в отечественной фольклористике фронтальное исследование космогонических сюжетов карельского эпоса, выполненное с привлечением всех вариантов рун, относящихся к тому или иному сюжету.

Глава 2. Сотворение мира: модели космозации пространства в карельских рунах.

Вторая глава диссертационной работы посвящена рассмотрению космогонических мифов, нашедших более или менее явное отражение в текстах рун.

2.1. Мир, сотворенный птицей из яйца. В разделе рассматривается миф, согласно которому части мироздания происходят из частей яйца, снесенного птицей-демиургом. Главная роль в карельском мифе о сотворении мира принадлежит мифической водоплавающей птице (нырок, утка, алейка, гусь). После долгих поисков-скитаний птица вьет гнездо и сносит яйцо/яйца на колене Вяйнямёйнена, осмысляемого в данном контексте в качестве первочеловека (об этом ниже). Варианты водного/морского локуса, в котором пребывает Вяйнямёйнен,

¹⁸ См., например, Карельские эпические песни. С. 480–481, 501; Карело-финский народный эпос. Кн.2. С. 448–451, 456–459; Ингерманландская эпическая поэзия. Антология / Сост. Э. С. Киуру. – Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 174–177, 183–184; Рода нашего напевы. С. 231–233, 235, 242–243.

¹⁹ Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. Финно-угорская мифология // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энцикл., 1980–1982. Т. 2. С. 563–568; Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. 1980. Москва: Наука, 1982. С. 162–192 (особенно С. 163–166); Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). Автореферат... д. ист. наук. Ижевск, 1992. 32 с.; Лимеров П. Ф. Мифы о сотворении мира как жанр коми несказочной прозы // Фольклористика коми: Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2002. Вып. 63. С. 4–15; Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2009. С. 54–61, 142–174; Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи. С. 19–29; Березкин Ю. Е. Мифологические деревья в лесу культуры // Этнографическое обозрение. 2012. №6. С. 3–18. и др.

представляются метонимическими эквивалентами первобытного океана, вселенских вод, существовавших до начала творения. В силу разных причин яйцо/яйца скатываются в воду и раскалываются на части.

Наиболее распространенный мотив образования Вселенной из частей яйца в карельской эпической традиции повествует, как из нижней половины или кожуры яйца образуется *земля*, из верхней – *небо*, из желтка – *солнце*, из белка – *луна*, из остальных крошек (пестрых, костяных, сора/мусора, скорлупы, семян, из самых маленьких капель) – *звезды*, *блестки*. Иногда в некоторых вариантах подобный порядок нарушается либо какие-то компоненты отсутствуют вовсе. Например, в рунах из частей яйца могут образоваться только небесные светила или только небо и земля; земля, месяц, звезды и др. Происходит в текстах и перераспределение первоначальных субстанций: например, из белка может произойти звезда, небо; из желтка – звезды; из нижней половины яйца и белка – месяц и звезды; из сердцевины – солнце и др. Одна из характерных черт возникновения мира из яйца в карельской мифологии – появление на небе *туч* из черной или синей субстанции – части яйца.

Процесс формирования мироздания повсеместно сопровождается магической вербальной формулой. В большинстве случаев Вяйнямйнен сам называет, что из какой части яйца должно произойти. В нескольких вариантах магические слова произносит птица-демиург. В приладожской традиции в двух вариантах заклинательные слова издает, умирая, само яйцо. Таким образом, в карельском эпосе можно выделить несколько творцов мироздания: орнитоморфный демиург (птица, главным образом водоплавающая), его метонимический эквивалент (яйцо) и антропоморфный демиург (Вяйнямйнен, представленный в ипостаси первочеловека). В сотворении мира участвуют также мировые стихии: водная, воздушная и огненная.

В этом же разделе отмечается, что наряду с собственно космогоническими мифами в среде карелов по мере их христианизации приобретает все большую известность и библейское сказание о сотворении мира, в значительной мере основанное на аналогичном сюжете. В связи с этим рассматривается типологическая близость карельского и библейского космогонических сюжетов. В главных своих чертах библейское, христианское понимание сотворения мира совпадает с карельской мифологией: по воле демиурга (в рунах иногда без изъявления воли демиургом) возникает небо, земля и небесные светила. Различие заключается в исходном материале. У карелов мироздание образуется из частей яйца, в Библии же мир создается вне всякого «материала» творения лишь по желанию творца.

2.2. Мир, сотворенный птицей (двумя птицами) из тины/земли со дна океана. В данном разделе рассматривается иная версия сотворения Вселенной, которая, судя по единичным записям, бытовала в карельской среде в прозаической форме (например, SKVR VII₁ 11). Согласно тексту, гагара по просьбе Сатаны трижды ныряет на дно океана за землей. Создав землю, Сатана утаивает горсть земли во рту, и когда Божий дух его в этом уличает, он выплевывает землю, сотворяя тем самым камни, скалы и горы.

Отголоски подобного мифа реконструируются из некоторых текстов карельских рун. Так, согласно одному из вариантов, Вяйнямйнен дрейфует в море в виде чурки и просит Укко, чтобы тот поднял черный ил на прозрачную поверхность. Лишь после этого герой прибывает к основанию пестрого камня / большой скалы в темной Похьэле (SKVR I₁ 54). Образ морского ила/тины встречается и в приладожской руне о рождении острова из яйца. В текстах яйцо, снесенное ласточкой на палубе/мачте корабля, вследствие порыва ветра скатывается в морской ил, и там возникает остров (SKVR VII₁ 75). Таким образом, в карельской мифологии переплетаются представления о зооморфной модели образования частей Вселенной (из яйца) и представления о возникновении земли из ила/тины, поднятой со дна мирового океана. Но в том и другом случае роль демиургов играют птицы.

2.3. Мир, возникший из частей тела первочеловека. Карельская руна о сотворении мира из яйца содержит эпизод, согласно которому Вяйнямйнен оказывается сбитым со своего

скакуна стрелой антагониста. Далее, герой, гонимый ветром, дрейфует в виде чурки/бревна на морском просторе. В данном контексте Вяйнямейнен выступает в ипостаси первочеловека, появившегося при участии трех стихий – земли (чурка еловая, бревно сосновое), воды (море) и воздуха (ветер). Подобное состояние героя соответствует древнему мировосприятию, согласно которому первочеловек образуется из элементов природы.

Дрейфуя в воде, Вяйнямейнен формирует морской ландшафт: где боками касается, там берега созидает; где коленями касается, там дно образуется; где ногтями дотрагивается, там скалы воздвигаются; где бородой проводит, там рифы сглаживаются (KKR I 39: 56–65). Согласно большинству вариантов, Вяйнямейнен создает также рыбные тони, отмели, ямы, даже рыбные косяки. В разных вариантах упомянутые части дна появляются вследствие движения разных частей тела. Например, яма может образоваться при движении головы, ног; отмель – при движении бока, рук, груди, колен; тоня, часто лососевая, – при повороте боком, спиной, животом; риф образуется поднятием руки. Находясь в горизонтальном положении, Вяйнямейнен создает тоню, в вертикальном (сидя или стоя) – рифы и каменистые пороги.

Особое освещение в работе получает мифологема появления острова из частей тела первочеловека. Формируя рельеф морского дна, Вяйнямейнен создает остров там, где на спине плыл (SKVR I₁ 108), где голову поднимал (SKVR I₁ 80), где касался пальцем (SKVR I₁ 20), где опирался на ладони (SKVR I₁ 103). Образ острова высвечивается в южнокарельской и приладожской версиях руны о сотворении мира. Здесь с островом (кочкой) ассоциируется Вяйнямейнен либо его колено, на которое птица-демиург сносит яйцо. Остров/кочка рождается на первозданных просторах, на стыке бурлящих, готовых к творению, морей, при участии пришедших в движение стихий воды (волн) и воздуха (ветра). Причем этот остров как бы создается из тела первочеловека, находящегося в водной стихии в течение необходимого для творения сакрального срока и также пребывающего в состоянии движения. Иногда остров приравнивается к пупу моря (варианты, когда остров возникает в пупе морском – SKVR VII₁ 18d, 18e, 20a, 20b).

Таким образом, мотив происхождения частей морского ландшафта из / либо вследствие движения частей тела героя, мотив отождествления колена Вяйнямейнена (либо самого Вяйнямейнена) с островом/кочкой, равно как и мотив появления этого острова посередине моря, там, где находится *морской пуп*, являются отголосками древних представлений о происхождении компонентов Вселенной из частей тела первочеловека (это метонимический эквивалент антропоморфной модели мироздания).

2.4. Мир, созданный антропоморфным демиургом. Данный раздел посвящен исследованию отголосков мифа о сотворении мира в руне на сюжет «Состязание в пении». Руна содержит сакральный диалог-состязание в знаниях, который происходит между двумя героями – Вяйнямейненом и Ёукахайненом (иногда могут фигурировать другие персонажи), повозки которых столкнулись на дороге. В упомянутом диалоге раскрываются потаенные знания героев относительно происхождения некоторых элементов мироздания. Так, юный Ёукахайнен лишь понаслышке знает, что «в море выкопаны тони, вырыты ямы для рыбы, к небесам прибиты звезды, небо держится на столбах» (SKVR I₁ 170). Вяйнямейнен же лично участвовал в создании частей мира:

”Omat on kolkot kuokkimani,
Taivoset tähittämäni,
Olin miessä kolmantena
Ilman pieltä pistämässä,
Ilman kaartaa kantamassa,
Taivosta tähittämässä.”

«Сам копал я тони в море,
Небо звездами усеял,
Я был третьим человеком,
Кто опоры неба ставил,
Радугу воздвиг на небе,
Небо звездами усеял.»

(SKVR I₁ 170: 19–24, перевод Э. С. Киуру²⁰)

Из воспоминаний Вяйнямёйнена реконструируются представления о формировании рельефа морского дна. Герой говорит о том, что он выкопал рыбные ямы, тони, углубил глубины. Наряду с тем, что были созданы глубины, появились также рифы (подводные скалы). Вяйнямёйнен вспоминает о том, как он вспахал море/моря, горы/рифы/камни в кучу собрал, в единичном случае сделал борозды. Мотив вспахивания моря характерен для приладожской традиции.

Из речи Вяйнямёйнена можно выделить также пласт представлений, связанных с небесной сферой. Согласно текстам, герой создал звезды на небе, созвездие Большой Медведицы. В мотиве осыпания неба звездами отчетливо проявляется отголосок мифа о сотворении частей мира, в том числе и звезд, из элементов мирового яйца под воздействием словесной магии героя, что рассматривалось ранее. Упоминание луны/месяца и солнца встречается в олонекском тексте и двух приладожских. Например, герой помнит то время, когда «месяц устанавливали, солнце на место определяли» (SKVR II 35). Или герой «месяц продвигал, солнцу помогал» (SKVR VII₁ 148, 197). Вяйнямёйнен участвовал также в установке небесной/воздушной дуги (taivan/taivon/ilman kaari – в переводе Э. С. Киуру – радуги) (SKVR I₁ 170: 21, 23). Беломорские варианты руны содержат мотив установки Вяйнямёйненом небесной опоры/столбов (SKVR I₁ 185: 32–36). В этом мотиве, возможно, отражаются древние представления о существовании некоего мирового столба, подпирающего небосвод. В одной из рун воздушный столб локализуется в *пупе небесном* (SKVR I₁ 85: 146–147), что согласуется с идеей центрального столпа Вселенной. Обращает на себя внимание также появление в вариантах небес во множественном числе. В поддержку гипотезы о множественности небес в мифологии карелов говорит заклинание о рождении огня, согласно которому огонь высекается на небе и затем спускается на землю сквозь несколько небесных ярусов (например, SKVR I₄ 281: 3–9).

Рассмотрение диалога героев в руне о состязании в пении раскрывает некий пласт древних представлений, связанных с происхождением и устройством мироздания. Отчетливо проявляются отголоски мифа о сотворении мира, а именно о формировании рельефа морского дна, о появлении на небе звезд, созвездий, радуги/дуги. Кроме того, в текстах встречаются представления о появлении первых гор, небесных/воздушных столбов/столба, нескольких небесных ярусов. Таким образом раскрывается идея сотворения мироздания антропоморфным демиургом – Вяйнямёйненом.

2.5. Верхняя часть мироздания, выкованная кузнецом-демиургом. Мотив выковывания неба кузнецом в карельской эпической традиции, как правило, появляется в цикле рун о Сампо и сводится лишь к упоминанию либо рассказу о когда-то проделанной «в начале времен» работе:

”Olis seppä omilla mailla, <...> Se on taivosta takonnut, Kantta ilman kalkutellut”.	«Есть кузнец в своих краях, <...> Он небо выковал, Крышку воздушную сформировал».
--	---

(SKVR I₁ 79: 113–118)

В приладожской традиции выковывание неба может стать одним из брачных испытаний жениха – кузнеца Илмаринена (SKVR VII₁ 90).

Карельские руны сохранили упоминания инструментов, с помощью которых кузнец создал небо: молот/кувалда и щипцы/клещи. Эти инструменты в текстах в известной степени мифологизируются: следов от них на крышке неба не остается.

²⁰ Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. С. 40.

Обращает на себя внимание материал, из которого изготавливаются небеса. Тесная взаимосвязь образов выкованного неба и Сампо (иногда в рунах они отождествляются) повлияла на то, что небо, по аналогии с Сампо, выковывается из трех зерен ячменя (SKVR I₁ 97) либо из четвертинки зерна (SKVR I₁ 93: 68–70). Необходимо отметить, что в эпической традиции южных карелов неизменный эпитет кузнеца – «кователь небесного железа», «разжигающий небесные угли». В этом определении проявляется представление о небесах, выкованных из металла. В одном случае кузнец сообщает, что выковал небо «совершенно без всяких изначальных материалов» (aivan ainehien alutta, SKVR I₂ 1022).

В мотиве выковывания неба и небесных светил кузнец Илмаринен в качестве демиурга сопоставим со старцем Вяйнямёйненом. Однако если Вяйнямёйнен связан с водной стихией (считается, что имя героя происходит от слова 'väinä', означающее «широкую, глубокую, спокойно текущую реку»²¹), то Илмаринен есть воплощение стихии воздушной, небесной. Имя *Илмаринен* восходит к слову 'ilma'²² («воздух, небо, погода»). В некоторых текстах подчеркивается чудесное рождение кузнеца: он рождается ночью и днем идет в кузню, где выковывает сотню замков и тысячу ключей (SKVR I₁ 136, см. прил. 4). Согласно выводам В. Я. Проппа, сделанным по материалам сказки, «чудесное рождение восходит к представлениям о реинкарнации. <...> Герой рождается взрослым, с одной стороны, именно как герой, как избавитель, в момент беды, с другой стороны – как возвращенец из мира умерших»²³. Отметим попутно, что необыкновенная сила героя также объясняется его чудесным происхождением.

Две разных интерпретации происхождения неба в карельском эпосе являются плодами разного во временном отношении мифологического сознания. Миф о происхождении частей мироздания из яйца на пороге эпохи металла перестал удовлетворять потребностям развивающегося общества и в какой-то мере был вытеснен мифом о кузнеце, кующем небо. Данный образ подсказали бытовые условия, когда кузнечество не имело еще широкого распространения, а, следовательно, особенно ценилось и было окружено суеверными представлениями.

2.6. Выводы. Карельские руны сохранили представления о возникновении частей мироздания, отражающие стадиально разные системы мировоззрения. Наиболее архаичным представляется мотив о сотворении мира из яйца (зооморфная модель Вселенной), снесенного водоплавающей птицей-демиургом на колено дрейфующего в первозданных водах Вяйнямёйнена, осмысляемого в данном сюжете в качестве первочеловека. Преемственно связанным с мотивом о сотворении мира из яйца оказывается мотив появления земли из тины, поднятой птицей со дна океана. В рудиментарной форме он наличествует в карельских рунах. Карельская руна о возникновении Вселенной из яйца имеет некоторые типологические параллели с библейским сюжетом о сотворении мира, являясь, тем не менее, стадиально более древней.

Карельская мифология содержит мотив появления первочеловека при участии трех стихий (земли, воды и воздуха), а также мотив рождения частей мироздания из тела первочеловека, который обнаруживается в эпизоде формирования Вяйнямёйненом морского ландшафта. Данная антропоморфизированная модель космоса является результатом более позднего периода мифотворчества (по сравнению с зооморфной моделью). Отголоски мифа о сотворении мира антропоморфным демиургом содержатся в руне о состязании в пении, где герои меряются

²¹ Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. S. 343.

²² Ibid. S. 50.

²³ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Искусство, 1976. С. 237–238.

своими знаниями и личным участием в первотворении мира. Наконец, хронологически более поздними являются представления о выковывании неба и созвездий, звезд антропоморфным демиургом – кузнецом Илмариненом.

Глава 3. Большой дуб: мировое древо как знак-символ структурирования и упорядочивания Космоса.

Данная глава посвящена рассмотрению образа большого дуба в карельских рунах.

3.1.1. Костяк сюжета о большом дубе и его основные версии: проблема классификации материала. Основная версия сюжета повествует о вырастании огромного дуба, скрывшего сияние небесных светил. Согласно одним вариантам, дуб срубает мужичок, вышедший из моря. Согласно другим, от дуба лишь откалывается щепка. В заклинательной традиции к сюжету добавляется мотив изготовления стрел из щепок дуба, которые, попадая в тело человека или животного, вызывают колики. Большое количество вариантов, контаминаций и фрагментарных записей сюжета внесло путаницу в работу издателей сборников образцов эпической поэзии, что в свою очередь затрудняет классификацию материала, в том числе и по жанровому признаку. Синкретизм жанров калевальской метрики, отсутствие в большинстве своем отметок самих собирателей об условиях исполнения, в некоторых случаях оставляют открытым вопрос отнесения той или иной руны к эпической песне или заклинанию.

3.1.2. Обрядовый контекст бытования сюжета о большом дубе. Согласно пометкам собирателей и уточнениям самих информантов, руна о большом дубе исполнялась в контексте обряда избавления от колик. Ее произносили при изготовлении мази-лекарства, когда парились в бане, при коликах у животных и пр. Исполнение данной эпико-заклинательной руны являлось залогом выздоровления от этой болезни. Как отмечал Э. Г. Карху, схема заговора включала мифологическую «историю болезни», ее первопричину и «рождение» в изначальное мифологическое время, потом следовало магическое заклятье, в результате чего «узнанная» болезнь должна была исчезнуть²⁴.

3.1.3. Контаминационные особенности сюжета о большом дубе. Рассматриваемый сюжет, будучи стадияльно одним из древнейших и основополагающих, был необычайно популярен и востребован рунопевцами, о чем говорит большое количество контаминаций с другими сюжетами карельского эпоса (например, «Посев деревьев», «Поиски дерева для лодки», «Морской поход и создание кантеле», «Охота на лося Хийси» и др.). Объединение разных сюжетных линий обогащает образ большого дуба и помогает более полно раскрыть его многозначную символику.

3.2.1. Предпосылки возникновения: субстанции, из которых произрастает большой дуб. Раздел посвящен рассмотрению элементов, которые дают начало мифическому древу в рунах. Поочередно рассматриваются мотивы произрастания дуба из золы/щелока, искры, зубчика гребешка / волоса, слезы, любовного листка / щепки / желудя. Несколько особняком от всех рассмотренных мотивов стоит мотив напевания / заклинания дуба. Субстанции, из которых в карельских рунах произрастает большой дуб, символизируют, с одной стороны, воплощение природных стихий (искра – огонь; листик/щепка/желудь – землю; зола – огонь, воздух, землю; щелок – огонь, воздух, землю, воду), с другой – средоточие жизненной силы (волос, слеза). Большой дуб, явивший собой, согласно одной из рун, «начало всех начал», объединяет основные мировые стихии и обладает способностью воссоздания жизни на земле. Этим он соотносится с идеей мирового древа, самого первого древа во Вселенной, древа жизни, во многом определяющего устройство миропорядка.

3.2.2. Ландшафтные знаки-символы локализации большого дуба. Исследования показывают, что древо может находиться в разных наделенных мифологическими признаками локусах (кроме леса). Локализация дуба в водной стихии содержит отголоски представлений

²⁴ Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. С. 75.

о возникновении мирового древа в начале времен в первозданных водах мирового океана. Появление дуба на острове (камне/скале, что в мифологическом сознании отождествляется), знаменует собой возникновение первой земли, как и перводерева на ней, в первозданных водах. Образ горы, в «пупе» которой произрастает древо, восходит к представлениям о мировой центральной горе, являющейся осью мироздания. Произрастание дуба в локусах, маркированных знаком земли, отсылает нас к идее нахождения мирового древа в некоем медиативном пространстве. Характерно, что большой дуб, согласно карельским рунам, никогда не произрастает в лесу, потому что, имея многие другие значения, он осмысливается и как *перводерево*, возникшее в начале творения мира и определившее его структуру.

Места локализации дуба маркируются также пространственными параметрами. В бинарной оппозиции *верх – низ* преобладают локусы, отмеченные знаком *низ*, – это и низменные участки (болота, заливные луга, пожни), и расселина камня у порога. Важную роль в местоположении дуба играют и различные стороны света, отражающие представления о координатах пространства. В своей локализации дуб соотносится с западом и востоком, севером и югом.

3.2.3. Облик большого дуба. Дуб в карельском эпосе представляется огромнейшим древом с вершиной или вершинами, цепляющимися за небо, с большим количеством широких ветвей и тысячью листьев, которые он простирает до небес. В текстах олонецких и приладожских карелов у дуба ровные ветви, на каждой ветви по яблоку, на каждом яблоке – золотое колесо, на золотом колесе – кукушка. Как кукушка прокукует, золото из ее уст льется, медь со скул струится в золотую чашечку, медную корзиночку. В одном из вариантов кукушка кукует так, что «слышно и наверху на небе, и внизу на земле-матушке» (SKVR VII₄ 2717). Кукушка в ветвях символизирует образ птицы на вершине мирового древа, в качестве которого большой дуб и осмысливается. Золото, медь (иногда серебро), струящиеся из уст кукушки, когда она кукует, эквивалентны той живительной влаге (древесный сок, мед или смола), которая сочится с ветвей древа жизни. Согласно текстам рун, лишь дуб, источающий со своих веток и листьев мед, годится для строительства божьей лодки (SKVR I₁ 339). В одном из вариантов дуб называет себя лучшим из деревьев, говоря при этом, что «с меня вчера мед капал» (SKVR VII₃ 243). Описание облика большого дуба, его вершины, ветвей и листьев сменяется в рунах повествованием о роли древа в организации универсума: оно может останавливать бег туч и скрывать сияние небесных светил.

3.2.4. Трехчастное деление большого дуба. Членение древа на три яруса – верхний, средний и нижний, которым соответствуют крона, ствол и корни, выявляется в текстах, содержащих контаминацию с сюжетом о поиске древа для лодки. Троичность мирового древа по вертикали подчеркивается отнесением к каждой части особого класса существ, чаще всего животных²⁵. С представлениями о верхнем ярусе, описание которого в рунах преобладает, связаны образы обитающих в его кроне либо на ветвях птиц. Кукушка, ворон, мифическая птица Вуага, кукующие/каркающие/поющие на вершине, соотносятся с традиционным образом птицы на вершине мирового древа. Со средней частью дуба в карельских рунах связаны такие персонажи, как черт, огибающий середину древа, либо ворона, каркающая на середине древа либо качающаяся на ветвях. Их присутствие становится признаком непригодности древа для создания лодки. Однако солнце, огибающее ствол дуба, сообщает древу противоположные свойства. Карельский эпос крайне скудно описывает нижнюю часть древа. В рунах у корней дуба обитают черви (змеи, личинки <кар. *mato*) и ящерицы (в народной традиции соотносимые со змеей), иногда маркированные черным цветом либо черной кровью. Данные хтонические существа традиционно символизируют соотнесенность с нижним миром. Так, через совокупность образов существ, находящихся на вершине древа, на середине ствола либо у

²⁵ Топоров В. Н. Дерево мировое // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 327.

подножия дуба, который символизирует уменьшенную копию мироздания, карельский эпос аккумулирует представления о трех ярусах Вселенной – верхнем, среднем и нижнем.

3.2.5. Инвертированный образ мирового древа. В разделе рассматривается перевернутый образ большого дуба, выросшего «от земли до неба, от неба до земли» (SKVR I₄ 802), «вверх комлем, вниз вершиной» (SKVR VII₅ 4169). Отмечается, что подобные воззрения были известны разным народам. Согласно исследованиям Е. Г. Кагарова, инвертированный образ мирового древа встречается в индийской философской литературе, в арабской, еврейской и манихейской литературе, в великорусских заклинаниях (волшебная береза, растущая «на море-окияне вверх корнями»), а также «в заговорах финских народов, финнов, черемисов и др.»²⁶ В разделе приводятся мнения разных исследователей о месте зарождения подобного образа (Л. Я. Штернберг, Е. Г. Кагаров), способах его интерпретации (Е. А. Крейнович, В. В. Евсюков, В. Н. Топоров) и пр. На карельском материале какие-либо выводы о природе инвертированного образа мирового древа сделать сложно, поскольку перевернутый большой дуб встретился в рунах лишь однажды. Тем не менее в заклинательных текстах от сглаза появляется образ перевернутой комлем вверх ели, которая предстает как сильнейший оберег, преграда, дальше которой насланная порча не проникает.

3.2.6. Возникновение кризисной ситуации. Большой дуб, символ структурирования и вертикального членения мироздания, залог вселенского благополучия, со временем утрачивает свои благотворные функции. Древо становится символом угрозы миропорядку: вырастая до небес, оно закрывает собой сияние солнца, луны, звезд, останавливает бег туч и облаков, тем самым нарушая былое равновесие. Для срубания дуба организуются поиски лесоруба. После долгих безрезультатных поисков оказывается, что срубить дуб способен лишь маленький мужичок, поднявшийся из моря. В работе выделяются основные характерные черты героя (мизерная величина, ледяной внешний облик, каменные/металлические атрибуты, черный цвет).

Дуб (его щепка/щепки, ветви) становится материалом для изготовления разных предметов. Основным назначением дуба в заклинательной традиции является использование его щепок в качестве материала для выковывания мифических болезнетворных стрел. Однако в приладожской традиции вследствие контаминации сюжетов из щепок дуба изготавливается, кроме всего прочего, копьё для охоты на лося Хийси (сравни: в мансийском предании спустившегося с неба лося преследуют на лыжах, изготовленных из священного дерева²⁷). В иных текстах дуб целиком измельчается в щепки, которые используются для подстилки корове. В этом случае дуб связывается с удачным скотоводством, успешным хозяйством²⁸. В одном варианте из ветки изготавливается веретено, из остального древа – ботало²⁹ (SKVR I₄ 833). Будучи образом многозначным и полистадиальным, дуб сочетает в себе символику обоих начал – положительного и негативного.

3.2.7. Функции большого дуба. На основе произведенного текстологического анализа можно выделить основные функции:

1. центральная ось Вселенной, символизирующая двух-, трехчленное деление мироздания по вертикали на ярусы и связывающая их;
2. функция медиатора между мирами в горизонтальном аспекте;
3. древо жизни; средоточие плодородия, обилия, благополучия;

²⁶ Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // «Доклады АН СССР», 1928, серия В, № 15. С. 334.

²⁷ Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 1. С. 84, 116.

²⁸ Sarmela M. Suomen perinneatlas: Suomen kansankulttuurin kartasto 2 = Atlas of Finnish ethnic culture 2: folklore. Helsinki: Matti Sarmela, 2007. S. 519.

²⁹ Ботало – шест с конусообразным пустым наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют ее в сеть.

4. вселенское древо, на определенном этапе деструктурирующее упорядоченность космоса, вследствие чего оно подвергается уничтожению.

3.3. Выводы. Сюжет о большом дубе в карельских рунах бытовал в разных версиях, вступая в различные контаминации как между собой, так и с другими сюжетами. Исполнялась руна о большом дубе и в обрядовом контексте избавления человека или животного от колик/прострела. Большой дуб – центральный образ в карельской мифологии, пульсирующий в рунах на разные сюжеты. Дуб, вырастающий до неба, выявляется в эпических, лиро-эпических, эпико-заклинательных рунах, а также в детских кумулятивных песнях.

Субстанции, из которых произрастает дуб, и места его локализации в текстах рун варьируются. Эпизод, содержащий описание облика большого дуба, который достигает неба и скрывает сияние небесных светил, практически неизменным встречается на всей территории бытования сюжета. Семантика трехчастного деления дуба по вертикали раскрывается в сюжете о поисках древа для лодки, вступающем в контаминацию с сюжетом о большом дубе. Рассмотрение указанных деталей, а также назначения и функций большого дуба показывает, что в рунах отразилось представление карельского народа о существовании некоего мирового древа, связывающего ярусы мироздания и обладающего функциями древа жизни. Тексты донесли до нас и отголоски воззрений о дереве, поставившем под вопрос все вселенское существование и потому уничтоженном. Это некий эсхатологический мотив карельского эпоса, имеющий широкие мировые параллели. Все перечисленные представления совместились в образе большого дуба карельских рун, которые приобрели в течение времени и известную обывочную окраску.

3.4. К полемике по поводу вопроса о наличии в карельских рунах мифологема мирового древа. Раздел являет собой своего рода ответ на статьи В. В. Напольских³⁰ и Е. Ю. Березкина³¹, опубликованные в «Этнографическом обозрении» № 6 за 2012 г. В обеих статьях затрагивается образ большого дуба карело-финской мифологии. Согласно выводам авторов, большой дуб карело-финских рун «не “организует” традиционный космос, не упоминается в рунах на другие сюжеты, не находится в центре мира, не связывает ярусы мироздания»³² и «никаких черт мирового древа, кроме гигантского размера, не имеет»³³. Весьма полемичные утверждения, к сожалению, не основаны на каком бы то ни было анализе самих текстов аутентичных рун, и полностью опровергаются выводами третьей главы диссертации (дерево, именуемое дубом, но с конкретной породой не соотнесенное; может произрастать в сакральном центре Вселенной – пупе медной (мировой) горы, на острове посреди моря и пр.; наделяется признаками структурирования и связывания ярусов воедино; один из центральных образов карельской мифологии, пульсирующий в разных контаминациях эпической руны и в разных жанрах и проч.). Игнорирование подлинной народной поэзии, ссылки лишь на эпос «Калевала» и устаревшие научные труды, в том числе представителей «финской» школы, априорные суждения о «склонности видеть следы мирового древа непременно везде» и «архетипичности» концепта мирового древа, неправомерное замещение мирового дуба столпом Вселенной, реконструирующимся лишь по нескольким образным поговоркам финского языка и пр., приводят к неподкрепленным текстами рун результатам. Доводы против отождествления большого дуба карельских рун с концептом мирового древа и возведения его к финно-угорской древности оказываются недостаточно аргументированными.

³⁰ Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи. С. 19–29.

³¹ Березкин Ю. Е. Мифологические деревья в лесу культуры. С. 3–18.

³² Там же. С. 8.

³³ Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи. С. 22–23.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, обобщаются выводы, частично сформулированные в главах работы:

1. Карельский эпос глубоко мифологичен по своей сути. В карельских рунах сохранились отголоски представлений о возникновении Вселенной, относящиеся к разным стадиям мифотворчества.

2. В карельском эпосе можно выделить несколько творцов мироздания: орнитоморфный демиург (птица, главным образом водоплавающая), его метонимический эквивалент (яйцо) и антропоморфный демиург (Вяйнямёйнен, представленный в ипостаси первочеловека; кузнец Илмаринен).

3. Карельская мифология содержит мотив появления первочеловека при участии трех стихий (земли, воды и воздуха), а в беломорской эпической традиции также мотив рождения частей Вселенной из тела первочеловека, который обнаруживается в эпизоде формирования Вяйнямёйненом морского ландшафта.

4. Особой значимостью наделяется рождение острова/кочки, осмысляемого в качестве первого зачатка земли, в сакральном центре – пупе морском. Остров может появиться из яйца, снесенного птицей, возникнуть из колена первочеловека, дрейфующего в первозданных водах, либо, подобно большому дубу, вырасти в море (на острове затем вырастает большой дуб). Образ острова является одним из центральных сакрализованных объектов в карельской мифологии. Он соотносится с представлениями о первом клочке земли, появившейся на поверхности мирового океана, и отождествляется с центром Вселенной.

5. В карельском эпосе сохранились следы двоякого представления о возникновении верхней части мироздания. Наряду с представлениями о появлении неба из верхней половины мирового яйца, бытовали и хронологически более поздние воззрения о выковывании неба и созвездий, звезд антропоморфным демиургом – кузнецом Илмариненом.

6. Карельские руны содержат представления о множественности небес.

7. Из текстов карельских рун реконструируются некоторые представления о сакрализованном центре Вселенной – пупе морском, пупе небесном, пупе горы, что служит знаком ее осмысления в качестве живого существа.

8. В карельских рунах просматриваются признаки вертикальной, двух- или трехъярусной, модели мира. Её структурирующим началом служит образ большого дуба, осмысляемого как *древо жизни, мировое древо*, соединяющее миры.

9. Проведенное исследование высветило амбивалентную природу образа большого дуба.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кундозерова М. В. **Большой дуб: происхождение мирового древа в карельских эпических песнях** // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: **Общественные и гуманитарные науки**. 2012. № 7 (128). С. 88–90.

2. Кундозерова М. В. **Мировое древо и ландшафтные знаки-символы его локализации (по материалам карельских эпических песен и заклинаний)** // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: **Гуманитарные исследования**. 2012. Вып. 3. С. 178–184.

3. Кундозерова М. В. **Рождение острова в контексте сотворения мироздания (по материалам карельских эпических песен)** // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3(19). С. 70–74.

Статьи в журналах, сборниках трудов, материалах конференций:

4. Власова (Кундозерова) М. В. Творцы мироздания в карельских эпических песнях // Бубриховские чтения: Проблемы функционирования и контактирования языков и культур прибалтийско-финских народов: Сб. науч. ст. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 167–177.
5. Власова (Кундозерова) М. В. Карельский космогонический миф и библейское сказание о сотворении мира: к проблеме типологии сюжетов // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещению карелов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 239–247.
6. Vlasova (Kundozerova) M. Taivaan takominen -motiivi karjalaisissa eepissä runoissa [Мотив выковывания неба в карельских эпических песнях] // Paikallisuuden esittäminen Neuvostoliiton ja Venäjän konteksteissa. <http://www.joensuu.fi/ktl/karlok/arkisto/110408vlasova.pdf> (дата обращения – 19.02.13).
7. Кундозерова М. П. Антропоморфная модель Вселенной в карельских эпических песнях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 10 (104). С. 62–65.
8. Кундозерова М. В. История собирания карельских эпических песен о сотворении мира и устройстве мироздания // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Материалы V научно-практического семинара. Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 75–83.
9. Кундозерова М. В. Сюжеты о сотворении мира и о большом дубе в трудах фольклористов Финляндии // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Сборник статей, посвященный 90-летию Э. Г. Карху. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – в печати.